

Николай Михайлович Языков в портретах

Мы привыкли воспринимать живописные портреты прошлого как аналоги фотографии, как документальные свидетельства эпохи. И доверяем живописцу, полагая, что он точно отразил облик портретируемого. Но ведь живописец, создавая портрет, предлагает своё толкование. Вопрос, похож ли изображённый на самого себя, должен решаться с учётом тех задач, которые ставил автор портрета, а также с учётом признанных во время создания портрета представлений об эталоне творческой личности. Прижизненные портреты Николая Языкова воспринимаются всеми поколениями как особо ценное достояние. Они – свидетельства очевидцев, живые, непосредственные отзывы о нём его окружения. Таково отношение к портретам поэта, созданным Александром Хрипковым, Эммануилом Дмитриевым-Мамоновым, Георгом Корницелиусом. При общей схожести у каждого из художников – свой Языков.

Николай Михайлович Языков, русский поэт-лирик первой половины XIX века, по своей наружности – тип великорусского молодца Приволжского края. Роста он был выше среднего, широкоплеч, с выдающейся вперёд грудью, а лицо – кровь с молоком. Открытый, широкий лоб под густыми кудрями светло-каштанового цвета, слегка вздёрнутый нос, добродушная улыбка, довольно широкий рот с пухлыми губами и небольшие, «плутовски» весёлые глаза.

Известно, что Николай Михайлович Языков немного занимался рисованием во время обучения в Горном кадетском корпусе в Петербурге (1814–1819). Но никаких профессиональных навыков его рисовальные опыты не обнаруживают.

Н.М. Языков.
Портрет работы Е. Эстеррейха.
Акварель. 1822

В 1822 году Н.М. Языков приехал в Дерпт (ныне Тарту) для учёбы в университете на философском факультете. Он интересовался историей и экономическими вопросами, изучал древние языки, много читал и был в курсе текущей литературной жизни, получая «русские журналы, альманахи, вообще всё новое и замечательное в русской литературе». Среди дерптских знакомых Николая Языкова были художники. Один из первых портретов в технике

акварели 20-летнего студента Языкова был написан в 1822 году живописцем, акварелистом, миниатюристом, рисовальщиком, литографом Ермолаем Ивановичем Эстеррейхом (1790 – после 1834). О жизни этого художника сохранилось немного сведений. Предполагают, что он происходил из семьи обрусевшего немца, скульптора И.Г. Эстеррейха и создал много портретов русских писателей и учёных.

Среди русских студентов Дерптского университета был художник-пейзажист Александр Дмитриевич Хрипков (род. в 1799 г.). Знакомство Николая Языкова с Хрипковым произошло, вероятно, в доме у профессора Ивана Филипповича Мойера, у которого собирался время от времени небольшой кружок русской молодёжи. Когда Языков приехал в Дерпт, Хрипков уже закончил обучение в университете: он изучал военные науки.

Первое сохранившееся упоминание об Александре Хрипкове относится к апрелю 1827 года в письме к Алексею Вульффу. В другом письме за 1828 год Языков сообщает брату Александру, что в Берлине состоялась выставка в Академии художеств, на которой были представлены некоторые русские произведения, в том числе картины знаменитого художника-портретиста О.А. Кипренского (1783–1836) и «Вид Дерпта» А.Д. Хрипкова.

Перед отъездом Николая Языкова из Дерпта в 1829 году Александр Хрипков пишет его портрет в халате (впоследствии поэт подарил его Авдотье Петровне Елагиной, хозяйке знаменитого литературного салона в Москве). Известно, что по этому портрету Каспар Эргот изготовил литографию (находится в фондах Государственного историко-художественного и литературного музея-заповедника «Абрамцево»). В 1840 году по этому же портрету литографию изготовил гравёр и литограф Рудольф Гундризер.

Именно этот портрет даёт нам представление об образе жизни того круга, к которому принадлежал Языков. В облике поэта – некая томность,

Литография Р. Гундризера с рисунка с натуры А.Д. Хрипкова

вальжность, склонность к размышлениям и философствованию. Может быть, художник именно это и хотел подчеркнуть?

Николай Языков сохранил с Александром Хрипковым дружеские отношения на всю жизнь. По воспоминаниям русского литературного критика, поэта Степана Петровича Шевырёва, в 1844 году на даче Воейковой за Петровским парком в Москве, снятой Николаем Языковым, «художник переводил на полотно природу Кавказа, а поэт переносил краски живописца на свои стихи». 13 мая 1844 года Языков писал своему брату Александру: «Хрипков кроме достоинств живописца имеет ещё и другие достоинства – даже доблести гражданские... Я воспую его, если нынешнее лето будет мне стиховно».

Своё обещание он исполнил 4 ноября, сочинив послание «Александру Дмитриевичу Хрипкову»:

Тебе и похвала, и слава подобает!
Ты с первых юношеских лет
Не изменял себе:

тебя не соблазняет
Мишурный блеск мирских сует...

Знакомство поэта Николая Михайловича Языкова с Александрой Андреевной Воейковой (Протасовой) произошло 23 февраля 1823 года. Но ранее Языков писал своему брату Александру: «Она скоро сюда будет, я опишу её тебе с ног до головы, <...> говорят, что всякий, кто её видел хоть раз вблизи, непременно в неё влюбляется. Ежели надо мной исполнится это прорицание, то ты увидишь такую перемену моего духа только из слога моих писем...».

Александра Андреевна была племянницей и воспитанницей русского поэта Василия Андреевича

Жуковского, благодаря которому получила прекрасное домашнее образование. Жуковский отчасти способствовал её замужеству, познакомив со своим приятелем, литератором и издателем Александром Воейковым. На свадьбу он подарил племяннице поэму «Светлана». Однако супружеская жизнь Александрины была несчастливой: Воейков оказался груб и жесток. Молодая женщина по-христиански несла свой крест, справляясь не только с ролью жены и матери, но и соратницы супруга по литературным делам, участвуя в подготовке и издании различных литературных журналов. Александрина покорила окружающих красотой и обаянием, образованностью, чистотой и непосредственностью. Она умела прекрасно рисовать.

Мода на альбомы того времени позволяет нам сегодня узнать и найти то, что было бы бесследно утеряно без этой традиции. Благодаря альбомным зарисовкам Александры Андреевны до нас дошли портреты её современников, поэтов, в числе которых был Николай Языков. В альбомах Воейковой много размышлений о жизни, об отношениях с матерью, сестрой и учителем. Позже, уже в замужестве, она будет рисовать своих детей, переписывать стихи друзей, делать лирические заметки.

В 1830-х годах Н.М. Языков жил то в Симбирске, то в родовом поместье – селе Языково Симбирского уезда. В этот период он познакомился с художником-любителем Александром Гибалем. Путешествуя по Волге, Александр Гибаль посетил в апреле 1837 года Симбирск. 14 рисунков – портретов симбирян (братья

Литография К. Эргота с рисунка А.Д. Хрипкова

Григорий и Андрей Васильевичи Бестужевы, три сестры Коротковы, губернатор Хомутов, вице-губернатор П.Г. Воскресенский и другие) были им занесены в альбом, который в настоящее время хранится в Государственном литературном музее.

Н.М. Языков.
Рисунок А.А. Воейковой.
Дерпт. 1823–1825 гг.

В июне этого же года А. Гибаль посетил имение Александра Михайловича Языкова, село Большое Станичное Симбирского уезда, где зарисовал хозяина имения и поэта Николая Языкова, находившегося в это время там. Может, этот рисунок и повествует о том, что поэт уже не совсем здоров?

Ещё в Дерпте появились у Языкова признаки тяжёлой болезни, напомнившей ему о себе и в Москве. Николай Михайлович надеялся отдохнуть и полечиться в деревне, в своём имении, однако здоровье его всё ухудшалось, и в августе 1838 года он по совету врачей вынужден был отправиться за границу. Там, переезжая с курорта на курорт, Языков провёл пять лет. Имея возможность посещать самые знаменитые и модные курорты в красивейших местах Европы, он всё-таки ничего красивее своей Родины, Поволжья и родного

Н.М. Языков, отдыхающий после обеда в имении брата Александра в с. Большое Станичное.
Худ. Александр Гибаль, 1837

Имя края

имения не находил. Поэт воспевал эту красоту в своих стихах.

Описание внешности Языкова в начале его пребывания за границей оставил П.А. Вяземский в очерке «Языков и Гоголь»: «В 1838 году встретился я с Языковым в Ганау. Я знал его в Москве полным, румяным, что называется – кровь с молоком. Тут ужаснулся я перемене, которую нашёл... с трудом передвигал он ноги, с трудом переводил дыхание. Тело изнемогало под бременем страданий, но духом был он покорен и бодр, хотя и скучал».

В 1839 году поэт находился на лечении в Ганау (Германия) у популярного врача Иоганна-Генриха Коппа, который обещал поставить его на ноги. Клиентами врача были знаменитые русские писатели: Василий Андреевич Жуковский, Константин Николаевич Батюшков, Николай Васильевич Гоголь. Здесь открылась новая яркая страница в жизни Языкова: встреча с Н.В. Гоголем и искренняя, не омрачённая никакими размолвками дружба. Стихи Языкова были известны и любимы Гоголем ещё во время его учения в Нежинской гимназии (1821–1828). В те дни, когда здоровье Николая Михайловича улучшалось, поэт жадно принимался за перо. В это время Языков написал несколько элегий и замечательное стихотворение «К Рейну»:

Тебе приветы Волги нашей
Принёс я. Слышал ты об ней?
Велик, прекрасен ты!
Но Волга больше, краше,
Великолепнее, пышней...

Здесь же, в Ганау, Николай Языков познакомился с немецким художником Георгом Корницелиусом (1825–1898).

Георг Корницелиус вырос в семье художника по фарфору. После школы он посещал Академию рисования в Ганау, где получил полное образование живописца и портретиста. В 1839 году Георг Корницелиус пишет портрет Николая Михайловича Языкова – одно из лучших своих творений. В 1872 году он стал почётным членом Академии рисунков в Ганау, а в 1888 году назначен профессором. Г. Корницелиус основал частную школу живописи и руководил ею в течение нескольких десятилетий. Его творчество как исторического художника было так же известно, как и его портретная живопись.

В Мюнхене в литографической мастерской Франца Ганфштенгля

Н.М. Языков. Литография Франца Ганфштенгля с рисунка Георга Корницелиуса

(1804–1877) в 1841 году была создана литография «Н. Языков» с рисунка Георга Корницелиуса. Кто был заказчиком литографии: сам Языков или Пётр Киреевский, сопровождавший поэта за границей, – вопрос остаётся открытым. Копия литографии хранится в фондах музея «Усадьба Языковых».

Н.М. Языков, находясь на лечении в Риме, был знаком ещё с одним художником – гравёром Фёдором Ивановичем Иорданом (1800–1883). В течение 15 лет Фёдор Иванович, живя в Италии, занимался воспроизведением в гравюре огромного размера (67х95) картины Рафаэля «Преображение Господне». Сохранились воспоминания Ф.И. Иордана о жизни в Риме Н.М. Языкова. Известно, что уже после смерти поэта, в 1849 году, Иордан получил через Фёдора Васильевича Чижова (1811–1877, русский промышленник, общественный деятель, учёный) заказ от Алексея Степановича Хомякова (поэт, публицист,

Н.М. Языков. Офорт 1849 г. с рисунка карандашом Э.А. Дмитриева-Мамонова. Первая половина 1840-х гг.

богослов, славянофил) и Петра Васильевича Киреевского (собирателем фольклора) выгравировать портрет Н.М. Языкова с рисунка карандашом Эммануила Александровича Дмитриева-Мамонова «в малом виде и свободным манером». Дмитрий Александрович Ровинский (1824–1895, юрист, один из главных разработчиков судебной реформы 1860-х годов, историк искусства и составитель справочников по русским портретам и гравюре XVI–XIX веков), описав этот портрет, восхищался им: «Чрезвычайно милая вещица – профиль совершенно живой».

К 1840-м годам, когда Н. М. Языков жил в Москве и вращался в кругу славянофилов, относится и его знакомство с Эммануилом Александровичем Дмитриевым-Мамоновым (1823–1893), в то время учеником Московского училища живописи и ваяния. После окончания училища в 1858 году Дмитриев-Мамонов был удостоен звания художника портретной живописи. Работал он в разных жанрах. К сожалению, нет подробных сведений о взаимоотношениях Н.М. Языкова и Э.А. Дмитриева-Мамонова. Известно только, что художник написал четыре портрета Языкова: три карандашные зарисовки и один портрет живописный.

Н.М. Языков. Худ. Э.А. Дмитриев-Мамонов

Рассматривая все прижизненные портреты поэта, можно заметить, что у каждого из художников – свой взгляд на образ Николая Языкова. В этом заключается, наверное, преимущество живописи перед фотографией: каждый художник привносит в портрет что-то своё, личное.

Румия Лобина,
научный сотрудник музея
«Усадьба Языковых»

